ISSN 2541-7509

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2017 · №6

http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№6.pdf

2017·№6 **ISSN 2541-7509**

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Сетевое издание
Электронный научный журнал

Издание основано в 2016 г.
Периодичность – 12 номеров в год.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-66175
от 20.06.2016.,
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Учредитель и издатель: ООО «НОВАЛЕНСО»
Главный редактор: Баринов Д.Н.
Адрес редакции: Россия, 214038, г. Смоленск,
ул. Кловская, 23-а, 63.
Официальный сайт: naukavestnik.ru
Тел.: +7 905 696-6338
E-mail: jour@nauko-sfera.ru

Поступающие в редакцию статьи рецензируются. Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Редакционная коллегия:

Гаранина О.Д., доктор философских наук, профессор
Далингер В.А., доктор педагогических наук, профессор
Кондрашихин А.Б., доктор экономических наук, профессор
Микерова Г.Г., доктор педагогических наук, профессор
Океанова З.К., доктор экономических наук, профессор
Тужба Э.Н., доктор социологических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

УДК 821.111

Моделирующая функция пословиц в романе ДЖ.Р.Р. Толкина «Властелин колец»

Афанасьев В.А.
Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»

Статья посвящена специфике моделирующей функции, разнообразно выполняемой пословицами в романе-эпопее Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец». Большая часть паремий в этом произведении создана самим автором, в силу чего моделирующая функция пословицы получает решающее значение. На нескольких конкретных примерах показывается, моделью чего может служить паремиологическая единица во «Властелине Колец»; в частности моделью сюжета, речи и внутреннего мира персонажа, культуры вымышленных народов, авторского стиля и даже самого романа. В статье представлен системный подход к паремиологическому фонду «Властелина Колец»; кроме того, анализируемые пословицы впервые рассматриваются в аспекте их функционирования в романе. Автором задействованы материалы отечественных и зарубежных литературоведов, критиков и лингвистов.

Ключевые слова: Толкин, паремиология, пословица, пословица в художественном тексте, функции пословицы, модель.

Понятие «пословица» неоднозначно определяется исследователями, особенно в соотношении с поговоркой и афоризмом. Сущностными свойствами пословицы, отличающей её от поговорки, следует признать дидактичность содержания, а также завершённость логическую, грамматическую и синтаксическую. От афоризма же паремиологическую единицу можно отличить скорее не по наличию образного содержания (два понятия на основе этого признака разграничивает Г.Л. Пермяков [2, с. 17-18]), а, следуя замечанию А.А. Потебни об «безóбразных пословицах» [3, с. 102], по отношению к автору высказывания. Творцом пословицы считается «народ» (разумеется, не как безликая масса людей, а как среда, ассимилировавшая и отшлифовавшая некое меткое выражение, высказанное однажды одним из членов языкового общества), тогда как автор афоризма и текст, в котором высказано афористическое суждение, известны.

Для настоящего исследования принципиальное значение имеет и такой признак пословицы как ритмизированность, а также эвфонические характеристики (рифма, аллитерация и ассонанс) – в целом необязательные, но задающее то, что можно назвать «пословичностью» (proverbiality).

Функции пословицы многообразны и в основном зависят от контекста (прагматической ситуации), в котором паремиологическая единица употреблена. Тем не менее, можно перечислить несколько универсальных функций паремии: назидательную (дидактическую или директивную), кумулятивную, оценочную, прогностическую и моделирующую [1]. Хотя все эти свойства так или иначе сопряжены друг с другом, наиболее синтетическим и многообразным является именно последнее.

Название моделирующей функции говорит само за себя: всякая пословица изображает определённую ситуацию. В двуплановых паремиях эта ситуация

воплощена в наглядном образе, в большей или меньшей степени изоморфном реальности. Количество таких ситуаций не ограничено, но модели, репрезентируемые пословицами, в известной степени клишированы в дискурсе повседневной речи.

Иначе предстают паремиологические единицы в художественном тексте, где их моделирующая функция принципиально усложняется. С одной стороны, ситуации, иллюстрированные пословицами, нередко актуализируются в контексте, предсказывая события (при этом обладая и прогностической функцией), подводя итог произошедшим или комментируя совершающиеся в момент произнесения – так или иначе, пословицы становятся *микромоделями сюжета*. С другой стороны, единицы паремиологического фонда (стилистически неоднородного уже внутри себя), включаются в художественный стиль произведения и, благодаря своей ёмкости и афористичности (кумулятивная функция), могут стать *микромоделями стиля* и даже *речевыми моделями* определённого персонажа.

Разумеется, не всегда эти ипостаси моделирующей функции отражаются в контексте: нередко общеупотребительная клишированная пословица, вложенная в уста некоего персонажа, не несёт никакого сюжетообразующего начала, а служит лишь средством негативной характеристики героя (что, впрочем, можно отнести и к его речевой модели). Напротив, если пословица трансформирована автором или полностью придумана им, то рассматриваемая функция получает особое значение, а зачастую решающее, особенно в случае последовательной импликации смысла, что и можно наблюдать во взятом к рассмотрению романе-эпопее Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец».

Художественный мир этого романа исключительно сложен и многообразен. В произведении не только всецело отразились мифы и легенды «Сильмариллиона» и других сказаний, связанных с Легендариумом (корпусом текстов, посвящённых вымышленному миру Арда), но и нашли своё воплощение искуственные языки, созданные Толкином, и, разумеется, мировоззрение писателя, его взгляды на историю и язык, эстетические (и в частности фоноэстетические) предпочтения, и вообще “the philological mode of thought <….> inextricably linked with the literary structure” [14, p. 14] (имеется в виду прежде всего «Властелин Колец»).

В рассматриваемом произведении более 100 пословиц: около 70 являются авторскими, а большая часть остальных преобразована различными способами. Более того, паремиологический фонд «Властелина Колец» может быть охарактеризован как система, включающая в себя разнородные элементы, образующие тематические группы и взаимоисключающие пары и триады. Все пословицы в романе (и в особенности авторские) выполняют глобальную *иллюзионирующую функцию*, поддерживая иллюзию реальности художественного мира произведения (обладающего, по выражению Т.А. Шиппи, «dinosaur-like vitality» [8, p. 119] – «динозавроподобной жизненностью»). Самоочевидно, что эту функцию в данном случае можно назвать моделирующей, коль скоро паремии

участвуют в создании языкового и культурного пространства Средиземья. Изобретённые Толкином пословицы органично вплетаются в речь персонажей, причём для усиления иллюзии автор прибегает к провербиальным аффиксам (“they say, it is said”), например: «Why indeed should we welcome you, Master Stormcrow? Láthspell I name you, Ill-news; and **ill news is an ill guest** they say» [13, v. 3, p. 137].

Большинство пословиц во «Властелине Колец», следовательно, являются и моделями культуры народов Средиземья – в паремиологических единицах нередко отражены представления о ключевых понятиях и культурных концептах (добро, зло, мужество, верность, предательство). Так, особое знание о зле содержат роханские пословицы «*Oft evil will shall evil mar*» [13, v. 3, p. 224] и «*Our Enemy's devices oft serve us in his despite*» [13, v. 5, p. 120]. Разумеется, дидактическое содержание этих пословиц не оригинально и отдалённо соответствует, к примеру, русской: «Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились». Однако Толкин облёк нравоучение в оригинальную форму, представляющую собой образец возвышенной, архаической, но при этом простой и безыскусной речи Всадников Рохана.

В связи с этим моделирующая функция пословиц во «Властелине Колец» ярко проявляется и в том, что меткие выражения народной мудрости отражают если не всю динамику стилей Дж.Р.Р. Толкина, то несколько основных стилевых (и, соответственно, культурных) доминант. Так, эльфийские паремии, как и роханские, архаичны и даже более торжественны: «*Oft hope is born, when all is forlorn*» [13, v. 5, p. 176], «*Rede oft is found at the rising of the Sun*» [13, v. 3, p. 26], «*Few can foresee wither their road will lead them till they come to its end*» [13, v. 4, p. 109]. Хоббитские пословицы (а также изречения трактирщика Баттербура), напротив, нарочито разговорные и «простонародные» – они в полной мере отражают «a readiness to measure and sum up all things from a limited experience, largely enshrined in sententious traditional 'wisdom'» [13, p. 329]. Среди них встречаются действительно банальные высказывания: «*Live and learn*» [13, v. 2, p. 172], «*All's well as ends well*» [13, v. 1, p. 126], «*What's done can't be undone*» [13, v. 1, p. 220].

Однако такие замечания общего характера лишь поверхностно иллюстрируют значимость и многомерность моделирующей функции пословиц в романе «Властелин Колец». Поэтому рассмотрим более подробно несколько отдельных примеров.

Первый из них «*Third time pays for all*», более известной в вариантах «*Third time's a charm*» и «*Third time is lucky*». Найти подходящий эквивалент на русском языке очень непросто, такие изречения как «Бог любит троицу» и «Три перста крест кладут» будут лишь довольно приблизительными аналогами, эксплицитно отсылающих к религии.

Весьма важным представляется то, что рассматриваемая пословица встречается в средневековом рыцарском романе «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь», который Дж.Р.Р. Толкин долго изучал и переводил. В тексте этого про-

изведения, написанного аллитерационным стихом, паремия имеет следующую форму: «*Þrid tyme þrowe best*» (строка 1680), а в переводе Толкина – именно аналог «*Third time pays for all*» [9, p. 67]. Сам Профессор в неопубликованном письме к Дж. Лобделлу 31 июля 1964 года писал об этой среднеанглийской паремии так: «It is an old alliterative saying using the word *throw*: time, period (unrelated to the verb *throw*); sc. this third occasion is the best time — the time for special effort and/or luck. It is used when a third try is needed to rectify two poor efforts, or when a third occurrence may surpass the others and finally prove a man's worth, or a thing's» [7, p. 516-517]. Следует также отметить, что пословица "Third time pays for all" дважды встречается в «Хоббите» [12, p. 200, 222].

Во «Властелине Колец» изречение об удачной третьей попытке фигурирует в трёх вариантах, что весьма символично и требует некоторого разъяснения и интерпретации. Проанализируем все три варианта в ближних контекстах.

«Frodo stood up. He had laughed in the midst of all his cares when Sam trotted out the old fireside rhyme of Oliphaunt, and the laugh had released him from hesitation. 'I wish we had a thousand oliphaunts with Gandalf on a white one at their head,' he said. 'Then we'd break a way into this evil land, perhaps. But we've not; just our own tired legs, that's all. Well, Sméagol, **the third turn may turn the best**. I will come with you'» [13, v. 4, p. 64]. («Фродо встал. Как он ни был озабочен, а все же рассмеялся, когда Сэм читал старинные детские стишки про "олифанта", и смех помог ему решиться.

– Эх, нам бы тысячу олифантов и вперед бы пустить самого белого, а на нем – Гэндальфа, – сказал он, – тогда бы, глядишь, и пробились в эту проклятую страну. Но у нас олифантов нет, есть только усталые ноги, на которые вся надежда. Что ж, Смеагорл, **три – счастливое число**. Где там твоя третья дорога? Давай веди» [5, с. 704]).

Речь идёт о «третьей дороге» в Мордор, по которой Голлум берётся провести Фродо и Сэма. Хранитель Кольца возлагает на Смеагола надежду, уповая на то, что третий «поворот» дороги («turning», «turn») окажется верным и приведёт к успеху. Свою надежу Фродо озвучивает ранее, восклицая «May the third time prove the best!» [13, v. 4, p. 54] (правда, в несколько другом контексте). Это выражение не является пословичным, но в то же время в большей степени, чем собственно пословица отсылает к средневековому выражению «*Þrid tyme þrowe best*», словно зашифровывая посыл, который впоследствии по-своему претворяется в жизнь, будучи подкреплённым именно паремиями. В авторской пословице «*The third turn may turn the best*» сохраняется указание на возможность («may», «быть может») и искусно обыгрывается полисемия слова "turn". Актуальные субстантивные значения здесь – «изгиб» (то есть «поворот», виток дороги), «раз», «попытка», а глагольные – «оборачиваться» (в значении «поворачиваться»), «оказываться», «становиться». Высказывание привязано к ближнему контексту («turn» в значении «дорога», «путь»), поскольку идёт речь о выборе вполне конкретного пути, но носит, кроме того, пословичный характер («turn» в расширительном значении «раз», «попытка») и может быть истолко-

вано двояко: «Быть может, третий путь обернётся к лучшему» (непословичное высказывание в форме предположения) и «Три – счастливое число» (весьма приблизительный аналог).

В широком контексте пословица Фродо «не срабатывает», то есть событие, которое она моделирует, не происходит. Третья дорога в Мордор в конечном итоге приводит к завершению Квеста (хотя Хранитель и «потерпел неудачу» как герой), но коль скоро паремия выражает надежду на верность Голлума – она *не оправдывается*, потому что именно на третьем пути Смеагол предаёт своего хозяина и заводит его в западню.

Вскоре после изречения первой пословицы озвучивается вторая – уже не Фродо, а Сэмом:

«‘Gollum!’ he called softly. ‘**Third time pays for all**. I want some herbs.’ Gollum’s head peeped out of the fern, but his looks were neither helpful nor friendly. ‘A few bay-leaves, some thyme and sage, will do — before the water boils,’ said Sam» [13, v. 4, p. 73]. («– Голлум! – тихонько позвал он. **– Без третьего раза счёт неполон**. Теперь мне нужны травы!

Физиономия Голлума высунулась из кустов, но она не выражала ни желания помочь, ни дружелюбия.

– Всего бы парочку листочков лаврушки, немного чабреца да шалфея – пока вода не закипела, – уточнил Сэм»; *перевод наш – В.А.*).

В данном случае хоббит озвучивает традиционную пословицу, причём в гораздо более обыденной ситуации. Речь идёт не о таких важных вещах как выбор пути и надежда на успех, а о тушёных кроликах, для приготовления которых требуются травы. Однако тем замечательней параллель – Голлум также выполняет два первых задания Сэма (поймать упомянутых кроликов и принести воды), но от третьего, «сакрального», отказывается. Этот малый бытовой эпизод, таким образом, перекликается с дальнейшим предательством Смеагола и благодаря пословице (также «не сработавшей») предвосхищает его. Возможно, в данном случае Толкин не подверг никаким трансформациям традиционную пословицу именно в силу кажущейся обыденности сцены и характера персонажа, в уста которого паремия вложена, ведь именно Сэмуайз Гэмджи – «носитель» нескольких традиционных пословиц (а также тот персонаж, в репликах которого широко представлены просторечные элементы).

Третью, последнюю пословицу, которую следует причислить уже к трансформированным, произносит Гэндальф:

«‘Twice you have borne me, Gwaihir my friend,’ said Gandalf. ‘**Thrice shall pay for all**, if you are willing. You will not find me a burden much greater than when you bore me from Zirakzigil, where my old life burned away’» [13, v. 6, p. 75]. («– Дважды ты носил меня, друг мой Гваихир, – молвил Гэндальф. **– Третий раз окупает всё.** Не обременю я тебя более чем тогда, когда забрал ты меня с Зираксигила, где сгорела прошлая моя жизнь»; *перевод наш – В.А.*).

Эту паремию Толкин несколько изменил по сравнению с её источником. Здесь модальный глагол «shall» выражает неизбежность, а «thrice» участвует в

параллельной конструкции двучленного высказывания, вторым членом которого и служит пословица (кроме того, «thrice», вероятно, отсылает к ещё одному варианту пословицы о трёх попытках – «*All things thrive at thrice*», поэтому можно говорить о своеобразной контаминации). В глобальном контексте она мало связана с двумя рассмотренными паремиями, потому что касается только Гэндальфа и Гваихира – Владыка орлов дважды успешно спасал волшебника (один раз – с вершины Ортанка, другой – с горы Зиракзигил). Тем не менее, спасение Фродо и Сэма, чьи пословицы в той или иной степени «не состоялись», удаётся Гваихиру и его приближённому. Получается, что три высказывания, каждое из которых соотнесено с определённой триадой, также выстраиваются в триаду (любопытно, что триадичность усматривается даже на уровне происхождения пословиц – первая является авторской, вторая – традиционной, и третья – трансформированной), и именно последняя, третья пословица воплощается в жизнь как третий раз или третья попытка.

В настоящей статье не предпринимается дальнейших шагов в интерпретации семантики чисел – это требует отдельного исследования и соотнесением с символикой чисел в контексте всего романа. Так или иначе, важно отметить, что все три пословицы (пусть даже употреблённые в совершенно разных контекстах) принадлежат трём ключевым персонажам романа – Фродо, Сэму и Гэндальфу, в чём можно с определённой долей осторожности усмотреть авторское намерение. Более того, они связаны с образом Голлума, который «нарушает» две пословицы, но на третий раз гибнет, тем самым спасая Фродо, Сэма и все Свободные Народы Средиземья. При этом сам Смеагол осмысляет число «три» как нечто роковое – очень характерно его высказывание «’Three times! <…> Three times is a threat…’» [13, v. 4, p. 48] – хотя и привязанное к совершенно определённому контексту (речь идёт об угрозе со стороны Кольцепризрака, уже третий раз пролетающего над головами героев), но отчасти даже являющееся пословичным, обладающее универсальностью и в то же время имплицитно характеризующее персонажа.

Таким образом, сюжетные ситуации, моделируемые пословицами в художественном тексте, не только могут распространяться на глобальный контекст (что и так вполне очевидно), но и взаимодействовать друг с другом; при этом несколько однородных моделей могут специфическим образом составлять некую общую структуру – «метамодель», соотносимую со своими частями. Разумеется, примеров подобных образований на паремиологическом уровне в художественных очень немного (и, вероятно, они возможны только в случае пословиц о числах), но тем интереснее рассмотренный случай.

Вновь возвращаясь к образу Голлума, проанализируем пословицу, моделирующую речь этого персонажа.

«‘Ach, sss! Cautious, my precious! **More haste less speed**. We musstn’t rissk our neck, musst we, precious? No, precious – *gollum!*’» [13, v. 4, p. 19] («– Ах! Ш-ш-ш! Осторожно, С-сокровище мое! **Тиш-ше едешь – дальше будешь**. Нам нельзя рисковать ш-ш-шеей, нет, мое С–сокровище! *Голлм-голлм!*» [6, с. 755])

Это первая реплика Голлума в романе (если не считать пересказы и «цитаты» Гэндальфа), сопровождающая первое же его появление в качестве активно действующего лица. В высказывании в избытке присутствует внутренняя аллитерация на «s», позволяющая передать свистящую и шипящую речь Голлума, то есть создающая *звуковой образ* этого персонажа. Толкин приспособил традиционную пословицу «*More haste, less speed*» под такой необычный выговор, исходя, вероятно, в первую очередь именно из фоноэстетических соображений, и даже не подверг паремию никаким трансформациям, поскольку в ней и так сильна аллитерация на «s» – настолько, что третье и четвёртое словá сливаются при быстром устном воспроизведении.

Следует, впрочем, отметить, что две противопоставленные части настоящей пословицы, на письме обычно разделяются запятой, которая в высказывании Голлума отсутствует, что, в сущности, превращает пословицу в совсем другое, непословичное и весьма парадоксальное изречение. Дело в том, что опущение запятой, разграничивающей «haste» и «less» не только формально разрушает двухчленную конструкцию, но и ведёт к фактическому совмещению этих слов. В таком случае «less» выступает в качестве суффикса для «haste» со значением отсутствия или лишённости. Высказывание, в сущности, прочитывается как «*More* ***hasteless*** *speed*» (буквально «Больше неторопливой скорости»). М. Стантон справедливо характеризует его как «An oppositional and oxymoronic saying; its logic is that of «Haste makes waste», but given Gollum's demented nature, it is difficult to say whether he is at this point urging himself on or trying to rein himself in» [10, p. 340].

Итак, рассматриваемая пословица, превращающаяся в парадоксальное, почти бессмысленное суждение, моделирует не только речь персонажа, но и его внутренний мир (напомним, что это одна из первых реплик Голлума), отражая его сложную, двойственную и противоречивую натуру.

Но и этим не исчерпывается разнообразие моделей, репрезентируемых пословицами во «Властелине Колец». Рассмотрим последний пример.

«‘Well, here at last, dear friends, on the shores of the Sea comes the end of our fellowship in Middle-earth. Go in peace! I will not say: do not weep; for **not all tears are an evil**.’ [13, v.6, p. 181] («Итак, настал конец нашему Содружеству, дорогие друзья, — по крайней мере здесь, в Средьземелье. Мы стоим на берегу Моря. Простимся же! Оставайтесь с миром! Я не стану говорить вам — «не плачьте», **ибо не всякие слезы — во зло**!» [6, с. 1279])

Это последняя пословица Гэндальфа (и всего произведения, если не считать Приложений), завершающая его последнюю реплику в самом конце романа. Не без оснований можно утверждать, что она подводит итог всему повествованию. Хотя основной сюжет «Властелина Колец» заканчивается гораздо раньше (с уничтожением Кольца), сильнейшую эмоциональную реакцию у читателя вызывает, скорее всего, именно финальная сцена прощания в Серой Гавани.

«Утешение волшебными сказками – как писал Дж.Р.Р. Толкин в эссе «О волшебных сказках», – радость счастливого финала, или, точнее, радость благой катастрофы [то есть *эвкатастрофы* – термин самого Толкина], внезапный «поворот» к радости (ибо на самом-то деле никакого финала у волшебной сказки не бывает): эта радость – одно из ощущений, что волшебные сказки порождают особенно успешно <…>. Таков признак хорошей волшебной сказки – сказки более высокого и более совершенного уровня, <…> когда наступает «поворот», у ребенка или взрослого, ее выслушивающего, перехватывает дыхание, замирает сердце, а *на глаза едва не наворачиваются (а то и впрямь наворачиваются) слезы*. Подобной силой воздействия обладает любая форма литературного искусства, и все же ощущение это – особого свойства» [4, с. 153-154] (курсив наш – В.А.).

Хотя речи Гэндальфа и обращены к хоббитам («я не скажу вам: не плачьте»), и они, и последующая пословица относятся также к читателю; автор словно подсказывает ему определённую реакцию. В сущности, такой приём Толкин использует постоянно при смене стилей: «As he climbed to the top of his stylistic hierarchy Tolkien on occasion *wrote in* the responses he wanted instead of evoking them» [8, p. 192], как отмечает Т. Шиппи. В этом, как представляется, заключена отнюдь не избыточность, а наоборот – гениальность Толкина-прозаика. Именно в этой точке повествования читатель острее всего испытывает «радость благой катастрофы», и финальная пословица имплицитно заключает в себе толкиновское отношение к волшебной сказке и к литературе в целом. Таким образом, она моделирует *весь* роман «Властелин Колец» и читательскую реакцию на его завершение.

Итак, в рассматриваемом произведении паремии выступают в качестве моделей сюжета, авторского стиля, речи и внутреннего мира персонажа, культуры вымышленных народов и, наконец, самого романа-эпопеи. Благодаря этому пословицы играют существенную роль в моделировании художественного мира «Властелина Колец», являясь важной частью фольклорно-мифологического импликационала произведения. Дальнейшее рассмотрение паремиологического фонда романа продуктивно для изучения специфики функционирования традиционных и авторских пословиц в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева Е.И. Прагматические функции пословиц в художественном дискурсе (на материале немецкоязычной художественной прозы) // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2012. №7-8. С. 116-123.

2. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.

3. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. М.: Высшая школа, 1990. 344 с. (Классика литературной науки).

4. Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики и другие статьи. / Пер. с англ.; под ред. Кристофера Толкина. М.: Elsewhere, 2006. 300 с. (Дж. Р. Р. Толкин: филологическое наследие).

5. Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. / Пер. с англ. А. Кистяковского, В. Муравьёва. М.: АСТ, 2015. 1120 с.

6. Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. / Пер. с англ., предисл., коммент. В. Каррика, М. Каменкович. М: Издательство АСТ, 2015. 1696 с.
7. Rateliff D. J. The History of The Hobbit.. L.: HarperCollins, 2007.
8. Shippey T.A. The Road to Middle-earth. L.: HarperCollins, 1992.
9. Sir Gawain and The Green Knight, Pearl and Sir Orfeo. / Transl. by J.R.R. Tolkien; ed. by Ch. Tolkien. L.: HarperCollins, 1995.
10. Stanton M. "Advice is a Dangerous Gift": (Pseudo)Proverbs in *The Lord of the Rings* // Proverbium. Vermont., 1996. № 13. P. 331-345.
11. Tolkien J.R.R. The Letters / Ed. by H. Carpenter. L.: HarperCollins, 1995.
12. Tolkien J.R.R. The Hobbit, or There and Back Again. L.: HarperCollins, 1997.
13. Tolkien J.R.R. The Lord of The Rings. Seven-volume edition. L.: HarperCollins, 2012.
14. Turner A. Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings. Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2005.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Lazareva E.I. Pragmaticheskie funkcii poslovic v hudozhestvennom diskurse (na materiale nemeckojazychnoj hudozhestvennoj prozy) // Social'no-gumanitarnyj vestnik Juga Rossii. 2012. №7-8. S. 116-123.
2. Permjakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii. M.: Nauka, 1988.
3. Potebnja A.A. Teoreticheskaja pojetika. / Sost., vstup. st., komment. A.B. Muratova. M.: Vysshaja shkola, 1990. 344 s. (Klassika literaturnoj nauki).
4. Tolkin Dzh. R. R. Chudovishha i kritiki i drugie stat'i. / Per. s angl.; pod red. Kristofera Tolkina. M.: Elsewhere, 2006. 300 s. (Dzh. R. R. Tolkin: filologicheskoe nasledie).
5. Tolkin Dzh.R.R. Vlastelin Kolec. / Per. s angl. A. Kistjakovskogo, V. Murav'jova. M.: ACT, 2015. 1120 s.
6. Tolkin Dzh.R.R. Vlastelin Kolec. / Per. s angl., predisl., komment. V. Karrika, M. Kamenkovich. M: Izdatel'stvo AST, 2015. 1696 s.
7. Rateliff D. J. The History of The Hobbit.. L.: HarperCollins, 2007.
8. Shippey T.A. The Road to Middle-earth. L.: HarperCollins, 1992.
9. Sir Gawain and The Green Knight, Pearl and Sir Orfeo. / Transl. by J.R.R. Tolkien; ed. by Ch. Tolkien. L.: HarperCollins, 1995.
10. Stanton M. "Advice is a Dangerous Gift": (Pseudo)Proverbs in *The Lord of the Rings* // Proverbium. Vermont., 1996. № 13. P. 331-345.
11. Tolkien J.R.R. The Letters / Ed. by H. Carpenter. L.: HarperCollins, 1995.
12. Tolkien J.R.R. The Hobbit, or There and Back Again. L.: HarperCollins, 1997.
13. Tolkien J.R.R. The Lord of The Rings. Seven-volume edition. L.: HarperCollins, 2012.
14. Turner A. Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings. Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2005.

Modelling function of the proverbs in the novel «The Lord of The Rings» by J.R.R. Tolkien

Afanasev V.A.
National Research University «Higher School of Economics»

The article is dedicated to the specificity of the modeling function accomplished by the proverbs in the novel «The Lord of the Rings» by J.R.R. Tolkien. In this literary text, the majority of paremias is invented by author himself; therefore, the modeling function of a proverb obtains a determinative meaning. It is illustrated through some examples what model a paremiological unit could represent in «The Lord of The Rings»; in particular, it could be a plot model, a model of character's speech and internal world, a model of culture of an imaginary folk, a model of author's style and even of the novel itself. In the article a system approach to the paremiological fund of «The Lord of the Rings» is represented; moreover, analyzed proverbs

are considered in the contest of their functioning for the first time. The author used the materials of domestic and foreign literary critics, scholars and linguists.

Key words: Tolkien, paremiology, proverb, proverb in a literary text, functions of proverbs, model.

Сведения об авторах:

Афанасьев Владимир Алексеевич – студент 3 курса «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», бакалавр; 603115, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, д.25/12; e-mail: svintrups@gmail.com

Afanasev Vladimir Alekseevich – third year student, National Research University «Higher School of Economics»; bachelor's degree; 603115, N. Novgorod, B. Pecherskaya st., 25/12; e-mail: svintrups@gmail.com

Ссылка для цитирования:

Афанасьев В.А. Моделирующая функция пословиц в романе ДЖ.Р.Р. Толкина «Властелин колец» // Гуманитарный научный вестник. 2017. №6. С. 4-13. URL: http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№6-Afanasev.pdf

УДК 81`42

Имидж России в зеркале англоязычных СМИ[1]

Русяева М.М. , Черемушкина Е.Ф.
Всероссийский государственный университет юстиции (Средне-Волжский институт), филиал г. Саранск

В статье анализируется освещение подготовки российских городов к грядущему Чемпионату мира по футболу британскими средствами массовой информации. Предметом исследования являются языковые механизмы создания образа России в англоязычных СМИ. С помощью оценочной лексики, метафор, перифраз, эпитетов формируется представление о имидже России как хозяйки чемпионата. Научная новизна состоит в том, что впервые исследуется имидж России через призму англоязычного публицистического текста. Автор использует метод контент-анализа.

Ключевые слова: стереотипы, средства массовой информации, имидж, ассоциации, лингвистика текста

В современном мире всё большую популярность получают исследования направленные на изучение имиджа страны. Во многом востребованность данной темы продиктована политической обстановкой. Ни для кого не секрет, что в СМИ развёрнута информационная война, где пропаганда занимает одно из главенствующих положений. Несомненно, что исторический контекст вносит свой вклад в формирование образа той или иной страны. Данный образ, подтверждаясь или обрастая догадками, складывается в представления о нации, ее особенностях и т. п. Наиболее устойчивые образы образуют стереотипы, которые практически не изменяются во времени и потому остаются «монолитными», что значительно усложняет процесс беспристрастного восприятия странами друг друга. Если говорить об имидже Росси в Великобритании, то именно этот процесс мы и можем наблюдать в британских СМИ, а именно, процесс оперирования стереотипами о России, сформированными еще во времена Холодной войны, и снова появившихся в наши дни. Западные медиа усиленно подчеркивают негативные черты российской внешней и внутренней политики (непредсказуемость, нестабильность, авторитарность, коррупция, общая ситуация на Кавказе и т. д.). В то же время позитивные явления остаются за кадром, а неудобные факты нередко замалчиваются [1].

Для анализа были выбраны наиболее популярные британские издания: The Guardian, The Independent, The Washington Post, Fox. В качестве темы публикаций был выбран предстоящий Чемпионат мира по футболу, проводимый в России в 2018 году.

Наиболее положительно проведение чемпионата мира по футболу оценивается газетой «The Independent». [2]. В частности, говорится о большом размере страны «largest country on earth». Приводятся слова генерального секретаря

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ / грант № 16-04-00181

ФИФА: «Russia promises to be a unique continuation of this history, with outstanding organisation and a great atmosphere in the stadiums». Вышеприведенный пример подчёркивает великолепную организацию и прекрасную атмосферу, которую Россия гарантирует своим гостям. О российских городах автор статьи также не жалеет положительных эпитетов: The matches will be played in some superb cities. Russia is rich in culture and natural beauty, with fascinating cities and countryside. Особенно яркие эпитеты используются для столицы России и Санкт-Петербурга: But Moscow and St Petersburg are the undoubted highlights — vast metropoles with great art, architecture and indulgence in abundance. Про Сочи, уже знакомый для иностранцев город по Зимней Олимпиаде, также находим похвальные слова: Sochi combines an impressive setting with an alluring seaside location and the infrastructure from the 2014 Winter Olympics. При этом про Казань можно найти следующее высказывание: As capital of the republic of Tatarstan, Kazan has an extra degree of intrigue. Не очень понятна отсылка автора к событиям Второй Мировой войны: And students of the second Second World War may be attracted to Kaliningrad (formerly the Prussian city of Königsberg) and Volgograd (formerly Stalingrad). Однако, подчёркивается привлекательность данных городов, для любителей истории. В качестве негативных сторон упоминаются воры карманники: Be alert to the possibility of mugging, pick pocketing and theft from vehicles or hotel rooms. The spiking of drinks does happen and can lead to robbery, violence and/or abuse, а также некоторые проявления расизма, которые могут иметь место в российских городах: «Most visitors experience no difficulties but racially motivated attacks do occur. People of Asian or Afro-Caribbean descent may attract some unwanted attention in public places and should take care, particularly when travelling late at night». Также говорится о достаточно большом количестве дорожно-транспортных происшествий: UN figures show that the death rate on Russian roads is six or seven times higher than in Britain. Проблема расизма, с которой могут столкнуться футбольные фанаты в России, упоминается также в газете “The Sun”: ENGLAND football fans risk being attacked by Hitler worshipping football hooligans – and the Three Lions stars taunted on the pitch by racist thugs at Russia 2018. В данном примере российские футбольные фанаты представлены как ультранационалисты - Hitler worshipping –обожествляющие Гитлера. На протяжении всей статьи автор отождествляет российских футбольных фанатов с неонацистами: «Some Russian fans have been know to unveil Swastikas at matches». В конце статьи автор прибегает к интересному смысловому приёму: The gangs are dominated by neo-Nazi’s despite Hitler’s brutal treatment of Russians during the Second World War that claimed the lives of 25 million soldiers and civilians. Создавая аллюзию к событиям Второй мировой войны, в которой погибло 25 миллионов российских граждан, автор говорит, что это никак не влияет на симпатии российских футбольных фанатов к нацизму, таким образом убеждая читателя в опасности посещения чемпионата мира. Для подтверждения своих слов, автор приводит высказывание некоего российского фаната, опубликованное им в фейсбуке: «This is not about football, this about patriotism. The Rus-

sian government wants to kiss the ass of the world and fall into line.We are not like that. We hate fans from other countries, cops, everyone». В данном примере приравниваются такие понятия как патриотизм и ненависть к другим странам. Таким образом, на примере данной статьи можно наблюдать, как с помощью приёма отождествления происходит смысловая манипуляция, и в принципе, далекие друг от друга понятия сливаются в единый концепт – российские фанаты – нацисты, патриотизм – ненависть к другим.

В другой статье данная газета рассказывает о возможности бесплатного железнодорожного переезда из одного города в другой во время чемпионата мира по футболу. По мнению издания, это сделано для того, чтобы уменьшить риски столкновений между российскими футбольными фанатами и иностранцами: «The costly £40million scheme has been launched amid fears travelling fans will steer clear of the football showpiece to avoid Russia's ultra-violent hooligan hordes»[4]. В статье не раз упоминается президент России, при этом автор использует перифраз, и употребляет слово «strongman» - «сильный, властный, харизматичный правитель». В дальнейшем не обходится без стереотипов о КГБ: «The strongman president has already cracked down on his nation’s fearsome yob army by sending his sinister KGB-style FSB agents to warn known yobs to steer clear». В данном примере используется эпитет «sinister» - «зловещий», применительно к сотрудникам ФСБ. Таким образом, автор создаёт образ России как авторитарного государства с сильным лидером во главе и «зловещими» сотрудниками безопасности.

Однако, не все британские издания изображают Россию в негативном ключе. Так, например, «Dailymail» в своей статье ярко рассказывает о городах, где будут проходить матчи чемпионата. О Москве, автор статьb пишет следующее: «The capital is absolutely majestic in terms of history, architecture and culture, with Red Square, the Kremlin, Gorky Park and St Basil's Cathedral no doubt on the sightseeing list of most World Cup visitors» [5]. В вышеприведенном примере автор использует эпитет «majestic» -«величественный». Для Санкт-Петербурга в статье используется эпитет «attractive» - «привлекательный», «заманчивый». Говорится о потрясающей архитектуре «stunning architecture». О Казани сообщается, что это город, где переплетается европейская и азиатская культуры: «The multi-coloured domes and minarets of the churches and mosques here are beautiful and the city boasts a history 150 years older than that of Moscow». Эпитет «beautiful» относится к величественным соборам и мечетям. В Волгограде автором подчёркивается историческое значение города, через описание скульптуры «Родина мать»: «This towering monument of Mother Russia wielding an 11m long sword marks the bloody battle in 1943, when the city was known as Stalingrad, that turned back the German advance into Russia once and for all». Про Саранск сказано, что это промышленный город: «Saransk is the main city in the Mordovia region and is some 626km south-east of Moscow. It seems to also be the hub for industry, with mechanical engineering, metalwork and chemical plants among the main employers». У Нижнего Новгорода подчёркивается интересное географическое

положение: «Situated at the confluence of the Volga and Oka rivers, the stadium's design is meant to be inspired by the region's natural aspects - water and wind». Интересно, что автор использует метафору «вода и воздух» как два природных аспекта, способных вдохновлять.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. В целом, чемпионат мира по футболу в России представлен весьма многообразно в плане имиджа России, запечатленного в британских СМИ. С одной стороны существуют публикации указывающие на богатую историческую составляющую нашей страны, в основном авторские аллюзии направлены на события Второй мировой войны, много рассказывается о красоте российских городов, широте и культурном многообразии России. Положительный имидж создаётся в языковом плане употреблением различных положительных эпитетов, применением метафоры. Что касается негативной стороны, то она представлена по большей части страхами связанными с проявлением расизма, не всегда положительно упоминаются и органы безопасности. В языковом плане негативные явления представлены через употребление приёмов отождествления, перифразы, смысловых манипуляций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большаков С.Н. Бодрунова С.С. Формирование позитивного имиджа страны: политические метафоры, стереотипы и параллелизмы.// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т.4., №6., – М.: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», 2011. – С. 87 – 93.
2. Simon Calder Russia World Cup travel guide: How can I get the best tickets? And what to do when I am there? [Электронный ресурс] // The Independent. [сайт]. [2017] URL: http://www.independent.co.uk/travel/news-and-advice/russia-world-cup-2018-travel-tickets-flights-deals-what-to-do-a7945596.html
3. Stephen Moyes From Russia with violence. [Электронный ресурс] // The Sun [сайт]. [2017] URL:https://www.thesun.co.uk/sport/football/4651911/england-hitler-hooligans-2018-russia-world-cup/
4. Nick Parker, Train in Vain. World Cup 2018: Russia lay on free trains for fans but journey could take 51 hours [Электронный ресурс] // The Sun [сайт]. [2017] URL: https://www.thesun.co.uk/sport/football/4654273/world-cup-2018-russia-free-trains-england/
5. Adam Shergold, England have secured their spot at the World Cup in Russia... but which of the 12 venues are attractive destinations and which are best avoided? [Электронный ресурс] // The Dailymail [сайт]. [2017] URL: http://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-4954966/Guide-Russia-2018-World-Cup-venues.html#ixzz4vUwsl024

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bol'shakov S.N. Bodrunova S.S. Formirovanie pozitivnogo imidzha strany: politicheskie metafory, stereotipy i parallelizmy.// Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. T.4., №6., – M.: Associacija nezavisimyh jekspertov «Centr izuchenija krizisnogo obshhestva», 2011. – Pp. 87 – 93.
2. Simon Calder Russia World Cup travel guide: How can I get the best tickets? And what to do when I am there? [Электронный ресурс] // The Independent. [сайт]. [2017] URL: http://www.independent.co.uk/travel/news-and-advice/russia-world-cup-2018-travel-tickets-flights-deals-what-to-do-a7945596.html
3. Stephen Moyes From Russia with violence. [Электронный ресурс] // The Sun [сайт]. [2017] URL:https://www.thesun.co.uk/sport/football/4651911/england-hitler-hooligans-2018-russia-world-cup/
4. Nick Parker, Train in Vain. World Cup 2018: Russia lay on free trains for fans but journey could take 51 hours [Электронный ресурс] // The Sun [сайт]. [2017] URL: https://www.thesun.co.uk/sport/football/4654273/world-cup-2018-russia-free-trains-england/

5. Adam Shergold, England have secured their spot at the World Cup in Russia... but which of the 12 venues are attractive destinations and which are best avoided? [Электронный ресурс] // The Dailymail [сайт]. [2017] URL: http://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-4954966/Guide-Russia-2018-World-Cup-venues.html#ixzz4vUwsl024

Image of Russia in the mirror of English-speaking mass media

Rusyaeva M.M., Cheremushkina E.F.
All-Russian State University of Justice, Saransk

The article analyzes the presentation of preparation of the Russian cities for the future World championship by the British mass media. The subject of the study is the language mechanism for creating the image of the Russia in the English-speaking mass media. Through evaluative vocabulary, metaphors, periphrases, stable expressions the image of Russia is formed as the hostess of the championship. Scientific novelty lies in the fact that the study of principles of modeling the image is realized in the projection on English-language publicistic texts. The authors chose content analysis of the literary text as the main method of research.

Key words: stereotypes, mass media, image, association, text linguistics

---

Сведения об авторах:

Русяева Мария Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (Средне-Волжский институт) филиал, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6. E-mail: marijaru@mail.ru

Rusyaeva Maria Michailovna, PhD in Philology, Associate Professor, All-Russian State University of Justice, 430003, 6 Fedossenko st., Saransk, Russian Federation; E-mail: marijaru@mail.ru

Черемушкина Елена Фёдоровна, кандидат культурологии, Всероссийский государственный университет юстиции (Средне-Волжский институт) филиал, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6. E-mail: marijaru@mail.ru

Cheremushkina Elena Fodorovna, PhD in Culture, Associate Professor, All-Russian State University of Justice, 430003, 6 Fedossenko st., Saransk, Russian Federation; E-mail: lenika61@mail.ru

---

Ссылка для цитирования:

Русяева М.М., Черемушкина Е.Ф. Имидж России в зеркале англоязычных СМИ // Гуманитарный научный вестник. 2017. №6. С. 14-18. URL: http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№6-Rusyaeva.pdf

УДК 811.521

Коллокации и трудности их перевода с японского на русский язык

Цаплина О.В., Кривошеева Е.И.
Тихоокеанский государственный университет

В данной статье затрагиваются вопросы, касающиеся определения статуса коллокации как языковой единицы, вариативности классификаций в русском и японском языках, а также сложностей, возникающих при передаче значений коллокаций с одного языка на другой. С точки зрения анализа проблематики перевода отмечается, что трудности возникают как при устном общении на иностранном языке, так и при осуществлении высококачественных художественных и научных переводов. Учитывая несовпадение лексической и грамматической систем двух языков, а также принимая во внимание национальную особенность ментальности японцев, в рамках данной статьи предпринимается попытка предложить варианты перевода словосочетаний, имеющих тенденцию к «совместной встречаемости», с опорой на ментально – когнитивный фактор.

Ключевые слова: коллокация, классификация коллокаций, языкознание, японский язык, перевод, ментально-когнитивный аспект.

На сегодняшний день понятие «коллокация» представляет собой наиболее распространённую лексическую единицу, имеющую разностороннюю трактовку в современном языкознании. Изучением данного вопроса в разное время занимались такие российские и иностранные ученые, как Е.Г. Борисова, В.В. Виноградов, В.Д. Табанакова, M. Benson, A. Cowie, J. Sinclair и другие. Однако, подчеркнем, что несмотря на хорошее освещение в научной литературе, коллокация редко рассматривается в аспекте теории и практики перевода.

Для начала следует отметить различия в подходах отечественных и зарубежных учёных к определению самого понятия *коллокация* и его статусе как языковой единицы. Первые считают их подвидом фразеологических единиц, вторые – выделяют данный пласт лексики в качестве общего вида устойчивых сочетаний, включающих в себя фразеологические единицы. Однако, обе стороны сходятся в одном: коллокации являются периферийными единицами как для традиционной лингвистики, которая описывает в основном свободную сочетаемость лексем, так и для фразеологии, занимающейся непосредственно идиомами. М.М. Копыленко в своей работе высказал идею о том, что сочетаемость лексем следует вынести в отдельный раздел языкознания [3].

Хотя коллокации присутствуют во всех естественных языках мира подвести их под единый вид презентации достаточно сложно, в силу того, что их классификационная вариативность различается. Например, для русского языка предлагается несколько классификаций коллокаций (по синтаксически главному слову, по лексическому составу и пр.), а для японского – всего одна [4, с. 21], с опорой на синтаксические особенности, приведенная в Таблице 1.

Таблица 1. **Классификация японских коллокаций по синтаксическому принципу**

Сущ.+частица/сложный союз+гл. **（名詞＋助詞/複合助詞＋動詞）** 環境が破壊する среда разрушается 保険に求める запросить страховку 給付として受ける принять в качестве денежного вознаграждения	**Отглагольные формы+сущ.** **(動詞連用形＋ている＋名詞** **動詞連用形＋ていた＋名詞)** 異なる自然 отличная природа 起こり障害 возникающий ущерб 始まった労働 начавшаяся работа 探している相手 приятель в поисках 低迷していた経済 спад в экономике
Сущ.+частица+прил. **（名詞＋助詞＋形容詞）** 効果がない безрезультатный 技術の高い высокотехнологичный 心優しい добросердечный	**Сущ.+причастие+заключительная частица** **（名詞＋助詞＋形容動詞語幹＋だ）** 活動が好きだ предпочитать активный образ жизни 方法は自由です любой способ 研究に最適だ подходящий для исследования
Прилагательное + сущ. **(形容詞基本形＋名詞** **形容詞過去＋名詞** **形容詞体言接続＋名詞)** 狭い世界 тесный мир 苦しかった生活 трудная жизнь 良き関係 хорошие отношения	**Причастие с частицейな＋Сущ.** **（形容動詞語幹＋な＋名詞、形容動詞語幹＋だ過去＋名詞）** 豊かな社会 процветающее общество
Междометие+сущ. **(連体詞+名詞)** それらの問題 грядущая/последующая проблема ちょっとした情報 незначительная/недостаточная инфо 大きな事業 значимое дело	**Сущ.+сущ. (С показателями спряжения)** **（名詞＋名詞 名詞＋名詞・接尾** **名詞＋の＋名詞** **名詞って＋名詞 名詞＋的(な)＋名詞 並立）** 事業計画 план работы 創造的な仕事 творческая работа 言葉や表現 слова и выражения
Сущ. с приставкой, суффиксом 大教育 высшее образование 旧時代 древность 大部分 большая часть	**Сущ. + частица（名詞＋助詞）** 管理について об управлении 現在の современный 話ばっかり одна болтовня

Считается, что образование коллокаций обусловлено языковым мышлением носителей языка, что позволяет считать их также единицами мышления. Так, С. Йохансен отмечает, что «ментальный лексикон любого носителя языка содержит не только отдельные слова, но и фразеологические единицы или коллокации. Владение этими лингвистическими средствами позволяет говорящему или пишущему плавно и без особых усилий переходить в своем повествовании

от одной готовой конструкции к другой» [2, с. 21]. И действительно, в родном языке коллокации употребляются нами почти бессознательно и интуитивно, но, при использовании иностранного языка, возникают серьезные трудности в связи с сочетаемостью слов.

Во фразеологических единицах японского языка значение коллокации нельзя вычленить из составляющих ее компонентов ни частично, ни полностью. К примеру, словосочетание 電話に出る, в котором отдельная единица 電話 обозначает «телефон», а に出る – «выходить» с союзом направления に означает не «выйти в телефон», а «ответить по телефону». Или словосочетание バカを見る、где バカ – это «глупый человек», а 見る – глагол «видеть». Так и напрашивается перевод «видеть дурака». Однако, выражение имеет смысл «остаться в дураках». В японском языке подобных коллокаций, способных своими отдельными компонентами ввести в заблуждение переводчика, большое количество.

Помимо специфики связей между элементами языка, отражающей отношение людей к окружающему миру, существуют и различия в значениях, которыми в разных культурах наполняется одно и то же понятие [1, с. 22]. Данная проблема особенно актуальна при переводе с японского языка на русский. Подобные выражения требуют серьезной языковой подготовки, понимания национального характера японцев и глубоких фоновых знаний у русских переводчиков для того, чтобы понять изначальный смысл высказывания и подобрать точный эквивалент при помощи арсенала средств переводящего языка. Ведущую роль в данном процессе отводится ментально-когнитивному аспекту, так как отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений достаточно полно зафиксированы в языке [1, с. 23].

Обратимся к примерам. Так, в японском языке есть выражение 雨が上がる, где 雨 – «дождь», а 上がる – это глагол, обычно употребляющийся в значении «подниматься». Данное выражение имеет смысл «дождь прекратился». Этот перевод следует не из того, что 上がる, указывает направление вверх, обозначая процесс испарения, а из значения 上がる – «процесс завершился». Однако, на начальном этапе изучения языка велика вероятность того, что носитель русского язык, в котором есть выражение «поднялся дождь», сделает ошибочный перевод.

Далее, если предложить носителю русского языка перевести японское выражение ものを言う, где слово もの обозначает «вещь», а 言う – «говорить», связанное с もの показателем винительного падежа を, то полученный перевод будет звучать как «говорить умные вещи». Однако, на самом деле, словосочетание будет переводиться как «оказывать воздействие, иметь эффект», что может показаться русскоговорящему человеку ничем не обусловленным.

Неточность в переводе может возникнуть и при переводе коллокации ハンドルを握る, где ハンドル – это «руль», а 握る – «держать, сжимать». Логично было бы предположить, что словосочетание передает значение «сжимать

руль», однако в действительности значение предполагает более широкий охват действия, а именно – «вести машину».

Рассмотренные варианты перевода коллокаций подтверждают следующее: во-первых, для передачи японских свободных словосочетаний на русский язык метод «от слова к слову» является малоэффективным; во-вторых, при восприятии и трактовке получаемой информации в случае с японским языком ключевая роль должна отводиться ментально-когнитивному фактору, ибо национальный характер японского этноса прочно завязан на систему основных существующих в данном обществе верований, ценностей и установок, которые наиболее отчетливо проявляются в типичном поведении представителей данной культуры и, как следствие, в самом языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. №5. С. 20-29.
2. Johansson S. On the Role of Corpora in Linguistic Research // The European English Messenger, 1995, № 4/2, Pp. 19–25.
3. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 119 с.
4. Kurosaki S. An Analysis of the Knowledge and Use of English Collocations by French and Japanese learners. University of London, 2012, p. 305.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Dubov I.G. Fenomen mentaliteta: psihologicheskij analiz // Voprosy psihologii. 1993. №5. S. 20-29.
2. Johansson S. On the Role of Corpora in Linguistic Research // The European English Messenger, 1995, № 4/2, Pr. 19–25.
3. Kopylenko M.M. Sochetaemost' leksem v russkom jazyke. M.: Prosveshhenie, 1973. 119 s.
4. Kurosaki S. An Analysis of the Knowledge and Use of English Collocations by French and Japanese learners. University of London, 2012, p. 305.

COLLOCATIONS AND PROBLEMS OF THEIR ADEQUATE TRANSLATION FROM JAPANESE INTO RUSSIAN LANGUAGE

Tsaplina O.V., Krivosheeva E.I.
Pacific National University

This note gives a general overview of the various approaches on collocation status as a linguistic unit in a language system which constitutes the complexity of it’s unique classification organization. The present study investigates problems of Japanese collocations translation into Russian language that occur during every day verbal communication but mainly while doing highly professional translations of fiction and technical literature. This work attempts to offer a way allowing successful problem resolution based on the mental-cognitive factor.

Key words: collocation, classification of collocations, linguistics, Japanese language, translation, mental-cognitive factor.

Сведения об авторах:

Цаплина Ольга Владимировна, 4 курс факультета Востоковедения и истории, Тихоокеанский государственный университет, 680045 г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136. E-mail: sunnysmile199@gmail.com

Tsaplina Olga Vladimirovna, 4-th year student, Faculty of Oriental Studies and History, Pacific National University, 680045, Khabarovsk, Tikhookeanskaya st, 136. E-mail: sunnysmile199@gmail.com

Кривошеева Елена Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, 680045, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136. E-mail: enl77@mail.ru

Krivosheeva Elena Igorevna, PhD, Associate Professor, Pacific National University, 680045, Khabarovsk, Tikhookeanskaya st, 136. E-mail: enl77@mail.ru

Ссылка для цитирования:

Цаплина О.В., Кривошеева Е.И. Коллокации и трудности их перевода с японского на русский язык // Гуманитарный научный вестник. 2017. №6. С. 19-23. URL: http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№6- Krivosheeva.pdf

УДК 343

Институт необходимой обороны в советском государстве: законодательное и доктринальное развитие

Упоров И.В.
Краснодарский университет МВД России

В статье анализируются основные тенденции законодательного и доктринального развития института необходимой обороны в советском государстве. Анализируются нормы Руководящих начал по уголовному праву 1919 г., УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., постановления пленумов Верховного Суда СССР и Российской Федерации. Отмечается, что, несмотря на политическую составляющую, советские криминалисты внесли существенный вклад в совершенствование как теоретических вопросов, так и правоприменительной практики института необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, советское государство, посягательство, кодекс, политика, право, защита, жизнь.

После октябрьской революции 1917 г., несмотря на то, что в силу известных причин многие дореволюционные научные наработки были преданы забвению, новое законодательство строилось не на пустом месте, в частности, использовались ряд соответствующих положений уголовного законодательства Российской империи, о чем можно судить на примере норм о необходимой обороне. Впервые в отечественном уголовном праве советского периода о необходимой обороне упомянуто в ст. 15 Руководящих начал по уголовному праву 1919 г.: «Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения, или средством защиты от насилия над его или других личностью, и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны» [10] (ст. 15). Как видно, правомерной необходимая оборона считалась лишь в случае защиты от преступного посягательства своей личности (самозащиты) и личности других лиц. В Руководящих началах, по утверждению Н.Н. Паше-Озерского, предпринималась попытка определить пределы правомерной обороны «необходимостью средства» отражения или защиты в данных условиях нападения и обороны. Также этот документ содержал общее требование: совершенное при защите насилие не должно превышать меры необходимой обороны [6, с. 63].

УК РСФСР 1922 г. допускал защиту не только личности, но и ее прав (ст.15). Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. (ст. 9) и УК РСФСР 1926 г. (ст. 13) закрепляли возможность обороны также и при защите государственных интересов [3, с. 40-44] - такого уточнения ранее никогда не было. Как видно, происходящие и стране социально-экономические преобразования не могли не отразиться и на институте необходимой обороны, в данном случае речь идет о классовом признаке.

Так, уже в Основных началах уголовного законодательства 1924 г. проявляется тенденция к укреплению государственности и борьбы за власть и, как

следствие этого, приоритет зашиты государственных интересов в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. В период их действия необходимая оборона характеризовалась таким образом, что была близкой к общественно опасному деянию, во всяком случае Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 г., а также Основные начала уголовного законодательства ограничивались лишь одним, весьма общим, требованием: при необходимой обороне не должно быть допущено превышения ее пределов.

Это видно, в частности, по сопоставлению следующих норм УК РСФСР 1922 г.:

«ст. 19. Не подлежит наказанию уголовно-наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны …

ст. 145. Превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер карается…

ст. 152. Превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой тяжкое телесное повреждение нападавшего, а равно нанесение такового повреждения застигнутому на месте преступления преступнику с превышением необходимых для его задержания мер, карается…

ст. 158. Насилие над личностью, если оно вызвано равным или более тяжким насилием, приравнивается к необходимой обороне» [9].

Определенное изменение произошло с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а на его основе УК РСФСР 1960 г. Так, в ст. 13 кодекса указывалось, что «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. *Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства*» [4]. Но если, например, в УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. лишь в самой общей формулировке определялись условия правомерности акта обороны и требовалось, чтобы «при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны», то Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. впервые дали материальное определение превышения пределов необходимой обороны.

В правоприменительной практике решение вопроса о превышении пределов необходимой обороны всегда вызывало немало трудностей [7, с. 32-35]. Определился круг проблем, которые возникали перед правоприменителем при установлении допустимых пределов обороны по конкретным уголовным делам.

При обосновании необходимой обороны в науке советского уголовного права главным аргументом являлась общественная полезность оборонительных действий, при это довольно долго в качестве аргумента присутствовал также политический аспект, хотя, на наш взгляд, это не мешало продвижению вперед в толковании института необходимой обороны в рамках уголовно-правовой науки.

Так, по мнению В.Ф. Кириченко, «поскольку защитное действие направлено на нейтрализацию общественно опасного действия, которое посягает на советский строй и правопорядок, установленный советской властью, оно с объективной стороны является общественно полезным. Другими словами, основанием для защитительной деятельности является общественно опасное нападение. Она предпринимается в ответ на него, в связи с ним, для отражения его. Таким образом, эта деятельность по мотиву не может рассматриваться в качестве преступной и не порицается социалистическим правом и моралью» [5, с. 15]. Иначе говоря, оборона тогда могла быть признана необходимой, если при защите от общественно опасного нападения на интересы Советского государства, на общественные интересы, на личность и ее права вред, причиненный нападающему или его интересам, будет соответствовать интенсивности нападения и не отличаться резко по своему значению от угрожаемого вреда.

Отрицая субсидиарный характер права на необходимую оборону по отношению к деятельности государства, официальная доктрина признавала защитительные действия непреступными только при наличии определенных условий, которые, в свою очередь, обычно разбивали на две группы: условия, относящиеся к нападению, и условия, относящиеся к защите. Тот же В.Ф. Кириченко считал более правильным иное разделение: условия, относящиеся к возникновению и прекращению права необходимой обороны, и условия, определяющие пределы допустимой защиты [5, с. 16]. При этом превалировала точка зрения, согласно которой установление пределов защиты является наиболее важным практическим вопросом разграничения правомерной деятельности защищающегося и неправомерной. Не случайно в работах В.Ф. Кириченко, И.И. Слуцкого, Н.Н. Паше-Озерского, М.И. Якубовича, И.С. Тишкевича, В.Н. Козака, В.И. Ткаченко и других советских криминалистов, посвященных проблемам необходимой обороны, эти вопросы подверглись наиболее тщательному исследованию и практической проработке.

Работа, проведенная советскими учеными и законодателем, в целом продолжила традиции дореволюционных криминалистов, несмотря на политико-идеологический акцент, и внесла свой весомый вклад в теоретическую разработку института необходимой обороны и разрешения вопроса о превышении ее пределов. Вместе с тем нормативно-догматический метод исследования необходимой обороны все же не был достаточен для правоприменительной практики, где требовалось учитывать конкретную ситуацию преступного поведения, в которой жертва давала отпор нападающему. Многообразие таких ситуаций служило одной из причин того, что законодательство не всегда правильно по-

нималось и применялось следственными и судебными органами. Имели место далеко не единичные случаи неосновательного осуждения граждан, активно боровшихся с преступными посягательствами, за якобы имевшее место превышение пределов необходимой обороны.

О сложности правоприменения в этой сфере свидетельствует ряд решений пленумов Верх Верховного суда СССР, который в разное время принял три руководящих постановления по вопросам следственной и судебной практики по делам данной категории: «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» от 23 октября 1956 г. [12], «О порядке применения судами законодательства о необходимой обороне» от 4 декабря 1969 г. [9] и «О применении законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства» от 16 августа 1984 г. [1]

Представляются принципиальными следующие оценки, данные Пленумом в 1984 г.: «Иногда суды неправильно считают, что граждане вправе осуществлять необходимую оборону лишь при посягательстве на них самих, тогда как законодательство о необходимой обороне распространяется и на случаи защиты интересов Советского государства, социалистической собственности, общественного порядка, жизни, чести и достоинства других граждан … Некоторые суды ошибочно исходят из того, что лицо, подвергшееся нападению, не вправе активно защищаться, если имеет возможность спастись бегством или обратиться за помощью к гражданам, представителям власти или избрать какие-либо иные способы, не носящие характера активного противодействия напавшему … Оценивая действия граждан, отражавших общественно опасное посягательство, отдельные суды не принимают во внимание характер и опасность посягательства, его внезапность, интенсивность, возможности оборонявшегося по отражению нападения, а исходят лишь из тяжести причиненного вреда, что приводит к неправильному осуждению лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны» [1].

Данное постановление Пленума Верховного Суда СССР действовало почти тридцать лет, оно «пережило» как распад СССР в 1991 г., так и принятие нового УК РФ 1996 г., что свидетельствует о его фундаментальности для советского, а затем и для российского уголовного права. Однако, несмотря на Постановление Пленума 1984 г., в правовом регулировании института необходимой обороны и правоприменительной практике еще оставалось немало проблем. Их решение основывалось, безусловно, на опыте предшествующего законодателя. И в целом в российской правовой науке при обосновании освобождения от уголовной ответственности за вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, встречается два основных направления. Сторонники первого выводят допустимость права обороны из сущности самого права, и установление правовой охраны того или иного блага считается достаточным основанием для защиты его собственными силами. Представители второго направления не признают это достаточным для обоснования непреступности акта необходимой обороны,

и здесь предается особенно важное значение факту невозможности воспрепятствования органами государственной власти каждому преступному посягательству на правоохраняемые интересы. В определенной степени ответы были даны в новом Постановление Пленума Верховного Суда России по этим вопросам, которое было принято в 2012 г. [11]. В литературе справедливо отмечается, что «Верховный Суд РФ в указанном Постановлении впервые употребляет термин "правомерное причинение вреда", а также указывает на вынужденный характер такого вреда, что представляется автору заслуживающим особого внимания. Таким образом, уголовный закон допускает вынужденное правомерное причинение вреда охраняемым им интересам при определенных условиях в состоянии необходимой обороны» [8, с. 36-38]. Тем самым, безусловно, сделан шаг вперед, который стал возможным благодаря осмыслению этого института в советский период, в котором хотя и противоречиво, но все также последовательно шло его развитие как в научном плане, так и в части обобщения следственно-судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень Верховного суда СССР. 1970. № 1. С. 15-20.
2. Бюллетень Верховного суда СССР. 1984. № 5. С. 11-15.
3. Вороблевский А.В., Утевский Б.С. Уголовный кодекс (ред. 1926 г.). М., 1927. С. 40, 294-296.
4. Закон РСФСР от 27.10.1960 "Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР" (вместе с "Уголовным кодексом РСФСР") // Ведомости ВС РСФСР. 1960. N 40. Ст. 591.
5. Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.;-Л., 1948. С. 15.
6. Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 63.
7. Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М., 1938. С. 32-35.
8. Попов К.И. Необходимая оборона: толкование Верховного Суда РФ // Российский следователь. 2013. N 19. С. 36-38.
9. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р." (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
10. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 "Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р." // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" // Российская газета. 2012. 3 октября.
12. Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР. 1924 – 1963 гг. М.: Изд-во юрид. лит., 1964. С. 178-183.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bjulleten' Verhovnogo suda SSSR. 1970. № 1. S. 15-20.
2. Bjulleten' Verhovnogo suda SSSR. 1984. № 5. S. 11-15.
3. Voroblevskij A.V., Utevskij B.S. Ugolovnyj kodeks (red. 1926 g.). M., 1927. S. 40, 294-296.
4. Zakon RSFSR ot 27.10.1960 "Ob utverzhdenii Ugolovnogo kodeksa RSFSR" (vmeste s "Ugolovnym kodeksom RSFSR") // Vedomosti VS RSFSR. 1960. N 40. St. 591.
5. Kirichenko V.F. Osnovnye voprosy uchenija o neobhodimoj oborone v sovetskom ugo-lovnom prave. M.;-L., 1948. S. 15.

6. Pashe-Ozerskij N.N. Neobhodimaja oborona i krajnjaja neobhodimost' po sovetskomu ugolovnomu pravu. M., 1962. S. 63.
7. Piontkovskij A.A. Ugolovnoe pravo. Osobennaja chast'. Prestuplenija protiv lichno-sti. M., 1938. S. 32-35.
8. Popov K.I. Neobhodimaja oborona: tolkovanie Verhovnogo Suda RF // Rossijskij sle-dovatel'. 2013. N 19. S. 36-38.
9. Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 "O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R." (vmeste s "Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.") // SU RSFSR. 1922. № 15. St. 153.
10. Postanovlenie Narkomjusta RSFSR ot 12.12.1919 "Rukovodjashhie nachala po ugolov-nomu pravu R.S.F.S.R." // SU RSFSR. 1919. № 66. St. 590.
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2012 N 19 "O primenenii su-dami zakonodatel'stva o neobhodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii lica, so-vershivshego prestuplenie" // Rossijskaja gazeta. 2012. 3 oktjabrja.
12. Sbornik postanovlenij Plenuma Verhovnogo suda SSSR. 1924 – 1963 gg. M.: Izd-vo jurid. lit., 1964. S. 178-183.

INSTITUTE OF SELF-DEFENSE IN THE SOVIET STATE: LEGISLATIVE AND DOCTRINAL DEVELOPMENT

Uporov I.V.
Krasnodar University of the MOI of Russia

The article analyzes the main trends and legislative docking trinalnogo development of the institution of self-defense in the Soviet state. Analyzed the norms guiding principle in criminal law 1919 RSFSR Criminal Code in 1922, 1926 and 1960., Plenum of the Supreme Court of the USSR and the Russian Federation. It is noted that, despite the political component, the Soviet criminologists have made a significant contribution to the improvement of both theoretical issues and law enforcement institution of self-defense.
Key words: self-defense, the Soviet state, assault, code, politics, law, the protection of life.

---

*Упоров Иван Владимирович***,** д.и.н., к.ю.н., профессор, Краснодарский университет МВД России, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru

*Uporov Ivan***,** D.Sc., Ph.D., Professor, Krasnodar University of the MOI of Russia, 350005, Krasnodar, ul. Yaroslavl, 128. E-mail: uporov@list.ru

---

Ссылка для цитирования:
Упоров И. В. Институт необходимой обороны в советском государстве: законодательное и доктринальное развитие // Гуманитарный научный вестник. 2017. №6. С. 24-29. URL: http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№6-Uporov.pdf

УДК 81

К вопросу о полисемантизме соматической лексики в дигорском варианте осетинского языка

Цаллагова И.Н.
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»

Соматическая лексика относится в основной словарный фонд осетинского языка, отличается устойчивостью и повышенным словообразовательным потенциалом. В осетинском языке данный пласт лексики малоизучен, а имеющиеся работы имеют фрагментарный характер. Данная статья посвящена одному из важнейших аспектов в лингвистике – полисемии, которая особенно ярко представлена именно в соматизмах. Одним из самых многозначных слов в осетинском языке является соматическая лексема сæр / голова. В статье определены все значения данного слова, как основные (первичные), так и неосновные (вторичные). В исследовании выявлены семы, которые включает в свою смысловую структуру данная лексема, а так же проведен компонентный анализ ее значений.

Ключевые слова: дигорский вариант осетинского языка, лексика, соматизмы, семантика, полисемантизм, первичные и вторичные значения

Основная часть соматических лексем современного осетинского языка является по происхождению иранской, что служит лишним подтверждением того факта, что это наиболее древний и устойчивый слой лексики. Примечательно, что понятия «рука», «нога», «рот» в осетинском языке имеют наряду с иранскими наименованиями (*арм, фад, ком*) параллельный ряд неиранских, идущих из кавказского субстрата (*къах, къух /къох, дзых / цъух).* В обыденной речи наиболее употребительны кавказские формы, однако в сложных словах и сочетаниях чаще встречаются иранские формы, например, *арм – æрходтæ* (*æрм + ходтæ*) букв. шапки для рук; *æрдзæф (æрм+дзæф)* букв. ладоней удар; отбивание такта при танце; *æрмахур / къохахур* – прирученный, *æгомук* – безголосый, немой; *комикъолæ* – букв. стенка рта; внутренняя часть щеки; *цæсгом (цæст + ком)* – букв. глаз рот; лицо; *коммæ кæсун* – букв. смотреть в рот; слушаться; *фадигъолæ* – букв. альчик стопы; щиколотка; *фаднез* – болезнь ног; *фадат* – букв. место для ноги; возможность и т.д. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что соматизмы являются неотъемлемой частью базового лексического фонда осетинского языка и отличается особой константностью и повышенным словообразовательным потенциалом [7].

Иранский лексический фонд лучше представлен в лексемах, относящихся к терминам родства, скотоводства и военного дела [2; 5].

В осетинском языке данный пласт лексики недостаточно исследован, а имеющиеся исследования не имеют комплексный характер. Данная статья посвящена такому значимому аспекту в лингвистике, как полисемия, которая особенно ярко представлена в исследуемой лексике.

Материалом для исследования послужили языковые данные, собранный методом сплошной выборки из всех доступных на сегодняшний день словарей, а также из наших собственных наблюдений [1].

Полисемия является естественным фактором абсолютно для всех языков. Вследствие того, что разум человека может хранить значительный объём информации, сознание сохраняет разные значения полисеманта [4, с. 5].

Исследование многозначности слова дает возможность определить как основные (первичные), так и неосновные (вторичные) значения. Основные значения более употребительны и менее зависимы от контекста, неосновные же наоборот, менее употребительны и практически всегда связаны с контекстом [3, с. 246].

Еще одним типом характеристик значений слов является противопоставление свободных и связанных. Свободные значения проявляются в самых разнообразных контекстах, а связанные привязаны к контексту.

Существование у слова прямых и переносных значений является проявлением многозначности. В момент своего появления слово имеет только одно значение. В ходе дальнейшего развития у слова появляются переносные значения. Мотивацией переноса значения на другие предметы и явления является их смежность или сходство. Следствием этого становится взаимосвязь значений полисеманта.

Переносное значение может быть метафорическим и метонимическим. [6].

Еще одним видом характеристик значений слов является их отнесенность к нейтральным или стилистически-маркированным. Значения слов, без дополнительных эмоциональных смыслов, являются нейтральными, значения же в которых они имеют место быть, стилистически маркированы.

Описанные характеристики значений слов довольно многочисленны и разнообразны, что даёт возможность создания основательной базы для анализа полисемантизма конкретных лексем. Компонентный анализ многозначного слова, предполагает определение следующих характеристик: 1) основное / неосновное; 2) свободное / связанное; 3) прямое / переносное; 4) нейтральное / стилистически-маркированное.

В качестве примера, мы проведем компонентный анализ соматизма *сæр* / голова.

Соматизм *сæр /голова* является одним из самых многозначных. Его анализ показал, что он включает в свою смысловую структуру такие семы, как: 1) думать, размышлять, мозг; 2) главный; 3) круглая форма; 4) верхняя, расположенная наверху (часть); 5) начало чего-либо.

Таким образом, соматизм *сæр / голова* в осетинском языке (в обоих его вариантах) имеет следующие значения:

1. Часть тела животного и человека, в которой находится мозг, органы зрения, вкуса, обоняния, слуха и рот (*мæ сæр рессуй* / у меня болит голова; *йæ*

сæрæй йеу гъун дæр куд нæ фæгъгъæуа / пусть с его головы даже волос не упадет; *уæйугбæл авд сæри адтæй* / у великана семь голов было и т.д.);

2. Верх, верхняя часть чего-либо (*къæдзæхи сæр* / вершина скалы; *æхсири сæртæ* / сливки, букв. верхушки молока и т.д.);

3. Человеческий ум, рассудок (*сæргин адæймаг* / букв. головастый, умный; *уæззау сæр адæймаг* / букв. человек с тяжелой головой, степенный, вдумчивый человек; *рæуæг сæр адæймаг* / букв. человек с легкой головой, перен. легкомысленный человек);

4. Личность (*нæ сæртæ нæ барæ нæбал æнцæ* / букв. наши головы не принадлежат уже нам; мы сами себе уже не принадлежим; *мæхе сæр дæу хузæн нæ уарзтон* / даже свою голову (самого себя) я не любил так как тебя; *мæ сæрбæл кæрæдзей рамардтонцæ* / убили друг друга ради меня и т.д.);

5. Начало чего-либо (*дони сæр* / исток реки; *хабæрттæ сæрæй кæронмæ ракодта* / рассказал все новости сначала до конца; *радзурди сæр* / начало рассказа и т.д.);

6. Крышка, крыша (покрытие) (*хæдзари сæр* / крыша дома*; аги сæр* / крышка казана; *кири сæр* / крышка сундука и т.д.).

7. Причина (*хили сæр* / причина ссоры, драки и т.д.);

8. Единица счета скота, животных (*дæс сæри скъæти* / десять голов в хлеву и т.д.).

9. Пищевой продукт в форме круга (*цигъди сæр* / головка сыра; *къабускайы сæр* / качан капусты и т.д.).

Так же слово *сæр* выступает в осетинском языке в функции послелога «на», «над», «поверху», «через» (*мæргътæ сæрти тæхунцæ* / птицы летят поверху; *дони сæрти хед* / мост через реку и т.д.)

Основным значением в данной семантической парадигме слова *сæр / голова* в дигорском варианте осетинского языка выступает значение «Часть тела животного и человека, в которой находится мозг, органы зрения, вкуса, обоняния, слуха и рот». Остальные значения являются неосновными, однако они связаны с основным значением, имея общие семантические признаки. Значение «человеческий ум, рассудок», связано с основным значением, семой «мозг». Кроме того, все значения имеют общую сему «верхняя часть».

Значения «верхняя часть тела человека», «часть тела животного и человека, в которой находится мозг, органы зрения, вкуса, обоняния, слуха и рот», «личность» являются свободными, так как они не требуют определенной сочетаемости, контекста. Остальные значения относятся к связанным, так как имеют необходимость в наличии типового контекста. Так, значение «человеческий ум, рассудок» требует обязательного присутствия характеризующего слова, роль которого чаще выполняет прилагательное (*уæззау сæр адæймаг* / букв. человек с тяжелой головой, степенный, вдумчивый человек; *рæуæг сæр адæймаг* / букв. человек с легкой головой, перен. легкомысленный человек). Значение «крышка» чаще всего употребляется в контексте определяющего слова в виде

существительного в форме родительного падежа (*хæдзари сæр* / крыша дома; *аги сæр* / крышка котла, казана; *кири сæр* / крышка сундука и т.д.).

Основные значения всегда являются прямыми, а неосновные могут быть как прямыми, так и переносными. За исключением первого основного значения, все остальные значения имеют переносный характер, но степень и форма переносности у них различна.

С точки зрения нейтральности и стилистической маркированности, все значения слова *сæр / голова* в осетинском языке имеют нейтральный характер.

Как мы видим, в основе многозначности лексемы *сæр / голова* лежит разнообразный план содержания. Об этом говорит и тот факт, что соматизм *сæр / голова* входит во множество идиоматических сочетаний и фразеологизмов, которые часто не поддаются точному переводу.

Æ сæр ин радаста / букв. побрил ему голову (сильно отругал); *мæ сæр мæбæл куройни зилд кæнуй* / букв. моя голова крутится на мне словно мельница (говорят о ситуации, когда много дел, проблем); *сæрмæ хæссун* / букв. нести к голове (считать для себя подобающим, достойным, не унизительным, не брезгать, мириться), *æ сæрбæл сæ systa* / букв. поднял их на голове (говорят в ситуации, когда кто-то кого-то взбудоражил, привел в состояние хаоса**)** и т.д.

Таким образом, лексема *сæр / голова* является одной из самых многозначных в дигорском варианте осетинского языка. Смысловая структура данного слова включает такие семы, как: 1) думать, размышлять, мозг; 2) главный; 3) круглая форма; 4) верхняя, расположенная наверху (часть); 5) начало чего-либо. Компонентный анализ значений описываемой соматической лексемы показал, что новые значения приобретаются им в сочетании с другими словами, однако связь с первичным значением сохраняется. Кроме того, в разных ситуациях актуализируются разные семемы («расположение», «форма»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. Т. II. Л., 1973. Т. III. Л., 1979. Т. IV. Л., 1989. Указатель. М., 1995.
2. Багаев А.Б. Военное дело Осетии XV-XIX вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2009. – 223 с.
3. Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 237-250.
4. Мугу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2003. – 24 с.
1. Осетины / Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.: Наука, 2012. 605 с.
2. Фокина А.А. Роль соматических компонентов голова / вуй / head в формировании тематических групп фразеологических единиц (на материале русского, марийского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Томбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 195-199.
3. Цаллагова И.Н. Семантическая и денотативная характеристика соматической лексики дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. Вып. 24 (63). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2017. – С. 82-89.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abaev V.I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. T. I. M.-L., 1958. T. II. L., 1973. T. III. L., 1979. T. IV. L., 1989. Index. M., 1995.
2. Bagaev A.B. Military affairs of Ossetia of the XV-XIX centuries. // Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences / North Ossetian State University. K.L. Khetagurov. - Vladikavkaz, 2009. - 223 p.
3. Kurilovich E. Notes on the meaning of the word / / Essays on the linguistics. M., 1962. P. 237-250.
4. Mugu R.Yu. Polysemanticism of somatic vocabulary (on the material of Russian and German languages): Author's abstract. dis. ... cand. philol. Sciences / Adyg. state. un-t. - Maykop, 2003. - 24 p.
5. The Ossetians / Otv. Ed. Z.B. Tsallagova, L.A. Chibirov. M .: Nauka, 2012. 605 p.
6. Fokina A.A. The role of somatic components in the head / head / head in the formation of thematic groups of phraseological units (on the material of Russian, Mari and English languages) // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tombov: The diploma, 2014. № 6 (36): in 2 hours Part II. S. 195-199.
7. Tsallagova I.N. Semantic and denotative characteristics of somatic lexicon of the Digorian version of the Ossetian language // Izvestiya SOIGSI. Issue. 24 (63). Vladikavkaz: CPI SOIGSI, 2017. - P. 82-89.

ON THE QUESTION OF THE POLYSEMANISM OF SOMATIC LEXIS IN THE DIGORSKY OPTION OF THE OSSETIAN LANGUAGE

Iskra N. Tsallagova

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences

Somatic vocabulary belongs to the main vocabulary of the Ossetian language, it is distinguished by its stability and increased derivational potential. In the Ossetian language this layer of vocabulary is not well known, and the available works are of a fragmentary nature. This article is devoted to one of the most important aspects in linguistics - polysemy, which is especially vividly represented in somatisms. One of the most polysemantic words in the Ossetian language is the somatic lexeme cær / head. The article defines all the values of the given word, both primary (primary) and non-primary (secondary). The study identified the semes, which includes in its semantic structure of this lexeme, as well as a component analysis of its values.

Key words: Digorian variant of Ossetian language, vocabulary, somatisms, semantics, polysemantic, primary and secondary meanings

Сведения об авторе

Цаллагова Искра Нартовна – старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», 362040, Российская Федерация, г. Владикавказ, пр. Мира, 10, E-mail: czallagon@mail.ru.

Iskra N. Tsallagova - Senior Researcher, Candidate of Philology, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Pr. Mira, 10, Vladikavkaz, RF, 362040, E-mail: czallagon@mail.ru.

Ссылка для цитирования:

Цаллагова И.Н. К вопросу о полисемантизме соматической лексики в дигорском варианте осетинского языка // Гуманитарный научный вестник. 2017. №6. С. 30-34. URL: http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№6-Tsallagova.pdf